

На правах рукописи

СКАЛАБАН Ирина Анатольевна

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Специальность: 22.00.04 –
Социальная структура, социальные институты и процессы

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Новосибирск – 2017

Работа выполнена на кафедре социальной работы и социальной антропологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский государственный технический университет» (НГТУ)

Научный консультант: **Вавилина Надежда Дмитриевна**
доктор социологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Гордиенко Алексей Аркадьевич**,
доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии и права» Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск), ведущий научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований

Грабельных Татьяна Ивановна
доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет», профессор кафедры социальной философии и социологии, заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций

Якимец Владимир Николаевич,
доктор социологических наук, Учреждение Российской академии наук Институт проблем передачи информации РАН (г. Москва), главный научный сотрудник Центра распределенных вычислений

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита диссертации состоится 22 декабря в 14.30 на заседании диссертационного совета Д.003.001.03, созданного на базе ИЭОПП СО РАН, по адресу: 630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, конференц-зал.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ИЭОПП СО РАН – <http://diss.ieie.su/SitePages/%D0%94-003.001.03.aspx>

Автореферат разослан « » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат экономических наук, доцент:

Г.П. Гвоздева

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Общественное участие как социальное явление сложилось в рамках западного проекта модерна, превратившись к концу XX в. в общемировую практику. За десятилетия и даже столетия своего развития институты общественного участия в политической, гражданской и социальной сферах легитимировались и приобрели устойчивость. Участие в голосовании, митингах и демонстрациях, организованных и спонтанных акциях, членство в политических и общественных объединениях, общественное представительство, добровольческая помощь и благотворительность стали непременным компонентом социальной и политической системы любого зрелого общества.

Длительность существования отдельных институтов общественного участия и активная институционализация его форм и механизмов, начиная с эпохи реалистического модерна¹, позволяют воспринимать это явление как давнюю и естественную практику. Между тем участие в развитых странах стало показателем качества общественных отношений лишь с 1960–1970-х гг. Только к началу 90-х годов XX века удалось сформировать научное понимание роли общественного участия в социальном и политическом развитии. Однако на переломе тысячелетия стали проявляться новые тенденции: сократилась активность населения, видоизменяются традиционные гражданские и политические формы участия (R. Putnam, 2000; M. Wattenberg, 2006; R. Dalton, 2008; J. Hibbing, E. Theiss-Morse, 2002). Как следствие, ряд исследователей поставили вопрос об эрозии гражданства (S. Hickey, G. Mohan, 2004; B. Turner, 2001; S. Macedo, 2005) и адекватности существующего научного понимания общественного участия изменениям, происходящим в общественной жизни.

Похожие процессы имеют место в России. Уровень общественного участия за последние годы, если исключить «вспышки» протестной активности, существенно не вырос, хотя участие становится более осмысленным и мотивированным. Доля лиц, участвующих в работе на добровольных началах, за последние восемь лет выросла с 4 % в 2006 г. до 6 % в 2014 г.², но сокращается число общественных объединений, составляющих наряду с НКО основное пространство структурированного общественного участия. Если в 2005 г. их было 149 201³, то в 2010 г. число уменьшилось до 119 247⁴, а в 2015 г. составило 101 847⁵, что на треть меньше, чем в 2005 г.

¹ Категория «реалистический (поздний) модерн» (реалистическая модернити, по В. Иноземцеву), введена З. Бауманом. Реалистическому модерну свойственна опора на законодательство, государственную монополию на средства принуждения, лояльность обывателей и нормирование их поведения. Ему предшествует «романтический (ранний) модерн» (романтическая модернити, по В. Иноземцеву), а сменяет его постмодерн, позднее названный З. Бауманом «текущей современностью». Такое понимание этапности общественного развития использует автор.

² Общественное мнение – 2013. М.: Левада-Центр, 2014. – 252 с.; Общественное мнение – 2015. – М.: Левада-Центр, 2016. – 308 с.

³ Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. / Росстат. – М., 2005. – 819 с.

⁴ Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 813 с.

⁵ Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 728 с.

Одновременно в отечественной общественной жизни стали появляться новые формы и виды социального, гражданского и политического участия: сетевые сообщества, новые социальные движения, социальный, гражданский и политический активизм, гражданский и политический консьюмеризм и др. Их деятельность все больше приобретает проектный характер. Реализуясь целенаправленно, она не всегда способствует образованию новых устойчивых организационных структур. Указанные изменения создают причудливый дизайн общественной жизни, изменяют социальные атрибуты и функции общественного участия, его смыслы. Новая реальность демонстрирует широкий диапазон сложных, комплексных форм участия, которые могут быть интерпретированы одновременно как политические, гражданские и социальные практики⁶. При этом усиливается тревожная тенденция: общественное участие все чаще становится объектом влияния и манипуляций.

Вышеуказанные процессы обозначили **социально значимую проблему**: в силу модификации социальной структуры общества и появления новых социальных практик общественное участие претерпевает серьезные изменения во всех своих компонентах – субъектах, границах, формах и механизмах. Приобретаемый участием проектный характер делает его привлекательным инструментом влияния на социально-экономические и политические процессы. Актуализированная социальная проблема всегда является вызовом для науки, в связи с чем становится понятной и обоснованной постановка вопроса о необходимости изучения изменений в социальных практиках участия в общественной жизни, или общественного участия.

Закрепившаяся в отечественной и зарубежной науке традиция исследовать феномен участия по видам и сферам уже не может помочь описать и объяснить обозначенные тенденции. Для текущих научных исследований характерен преимущественно дифференцированный анализ политического, гражданского, социального и общественного участия; противоречивое по отношению друг к другу содержание этих понятий; преимущественно статический подход к изучению состояния участия в общественной сфере; высокое присутствие в социологических исследованиях политологического дискурса. Это сужает выделяемые границы практик участия, не позволяет увидеть зависимость между его видами, затрудняет выделение факторов, влияющих на характер общественной активности. В результате актуализируется научная потребность в принципиально новом подходе, описывающем и объясняющем поведение акторов и сам характер общественного участия.

Поскольку практики участия в общественной сфере, которые мы наблюдаем в последние годы, сводятся к рациональному конструированию действий в едином пространстве под воздействием общих ценностей, направленных на достижение планируемого результата, допустимо описы-

⁶ *Ingelhart, R. Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies / R. Ingelhart. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1997. – 464 p.; Stolle, D. Politics in the supermarket: political consumerism as a form of political participation / D. Stolle, M. Hooghe, M. Micheletti // International Political Science Review. – 2005. – Vol. 26 (3). – P. 245–270.*

вать их как проект. А так как проект направлен на изменения с приобретением новых свойств, иначе модификацию социальных отношений, то мы вправе обозначить его как «социальный проект», осуществляемый в социальном пространстве территории под влиянием разделяемых участниками проекта взглядов или ценностей. Речь идет о *социальном проекте как совокупности направленных изменений в социальных отношениях в процессе социального конструирования, осуществляемых в соответствии с прогнозом, которые со временем приводят к качественно новому состоянию.*

Эвристический потенциал категорий «проект», «социальный проект» для концептуального осмысления сложных социальных процессов до сих пор оторефлексирован слабо, несмотря на то что «проект» в таком контексте присутствует в философии и социологии Ж.-П. Сартра, Ю. Хабермаса, З. Баумана, П. Штомпки, П. Бурдьё. Препятствием для введения в теоретический социологический дискурс категории «проект» / «социальный проект» служит ее широкое использование в практико-ориентированном социально-инженерийном моделировании. Между тем новые тенденции, обнаруживаемые в процессах общественного участия, актуализируют возможности применения так называемого проектного подхода к исследуемому феномену.

В целом актуальность исследования продиктована:

- 1) наличием модифицированного социального явления (факта) участия в общественной сфере и в новых форматах процессов участия, в том числе за счет приобретения формата проекта;
- 2) научной потребностью в теоретико-методологическом подходе, позволяющем интерпретировать современные процессы общественного участия с учетом их целостности, многообразия и изменчивости;
- 3) необходимостью поиска адекватных инструментов анализа текущих процессов участия, требуемых для последующих шагов, – разработки теоретической модели, управления и прогнозирования ситуации.

Степень научной разработанности проблемы. Исследовательский интерес к проблеме всегда был связан с активностью становления институтов участия в общественной сфере.

Не случайно в российские исследования понятие «общественное участие», вошло одновременно с появлением новых институтов демократического участия, освоением научным сообществом теорий гражданства, гражданского общества и демократии. Его содержание формировалось под влиянием преимущественно политологического дискурса в ходе анализа институционально устойчивых механизмов участия населения в принятии решений в сферах муниципального управления, социальной политики, образования и экологии (А.Ю. Сунгуров, М.Б. Горный, А.С. Карпов, Л.И. Никовская, В.Н. Якимец, А.Л. Нездюрлов, С.В. Партушев, Е.Н. Заборова, И.Е. Кокарев, Е.Д. Самотесов, Г.П. Тощева, Н.Г. Рыбальский, Ю.Ю. Галкин). В последние десятилетия в российской и западной научной среде формируется и социологическое понимание общественного участия. Оно рассматривается как форма, механизм вовлечения людей в принятие решений, влияющих на их жизнь,

включение индивида или группы в коллективную деятельность по достижению социально значимого результата (А. Cornwall, J. Gaventa, К. Newton, Н. Giebler, Л.И. Якобсон, И.В. Мерсиянова, Ю.Б. Савельев, С.Р. Усманова, Е.В. Белокурова, Д.В. Воробьев, А.П. Лабунский).

Сохраняется исследовательский интерес и к иным видам общественно-го участия. Речь идет о политическом (S. Verba, D. Russel, Г. Алмонд, В.Д. Гончаров, И.Б. Фан, С.А. Эфиров, А.И. Киричек, А.В. Тепляков, М.Р. Холмская, Н.Д. Уварова, А.А. Киселев, И.В. Самаркина), гражданском (K. Schlozman, C. Pattie, P. Seyd, P. Whiteley, S. Livingstone, T. Markham, E. Amna, J. Ekman, Р.Г. Апресян, С.Г. Климова, И.А. Климов, И.В. Задорин, Д.Г. Зайцев, Ш.Ш. Какабадзе), социальном участии (W. BauderWard, L. Platt, S.M. Bergstresser, М. Дридзе, К. Рэнси, О.Г. Севан, Р. Соколов). Появляются новые теоретические конструкты: неполитическое участие (Н.Н. Седова), гражданско-социальное участие (А.А. Мерзляков), общественно-политическое участие (А.А. Стародубов, И.Н. Кодина, О.А. Макарова).

Широта предметного пространства исследований делает необходимым выделение ряда направлений, в рамках которых ученые обращались к проблеме участия в общественной сфере. Начиная с ранней социологии и по настоящее время осуществлялись попытки осмыслить его в контексте:

- теорий солидарности, группообразования, группового поведения и идентификации, особенно популярных в социологии 1920–1950-х гг. (Ф. Теннис, П. Кропоткин, М. Вебер, Э. Дюркгейм, В. Бехтерев, П. Сорокин, Б. Малиновский, Ф. Знанецкий, Л. Вирт, Э. Берджес, М. Axelrod, В. Barber, Р. Мертон, G. Thielbar);

- концепций эндогенного, устойчивого развития, теорий местных сообществ (А. Этциони, П. Фрейре, О. Борда, А. Tomeh, А. Alesina, E. LaFerrara, R. Chambers, A. Gilchrist, L. Botes, D. van Rensburg, C. Stephens, B. Cooke, U. Kothari, A. Zocher, G. Williams, M. Kesby, S. Penderis, Д. Эсби, О.Г. Севан, И.Е. Кокарев, А.Г. Лыска, И.В. Мерсиянова, Т.И. Макогон, J. Davis, D. Whittington), урбанистики, городского планирования и социального проектирования (Н.А. Аитов, Н.Н. Бокарев, А. Баранов, В. Вишнеренко, В.Л. Глазычев, Т.М. Дридзе, E. Piffero, Е.Б. Чернова, N. Peterson).

- теорий гражданства, гражданского общества и демократии: инструмента гражданских и политических отношений (М. Бакунин, К. Маркс, А. де Токвиль), теории партисипаторной (партиципативной) демократии (Дж. Вольф, Ф. Грин), демократического участия (Г. Алмонд, S. Verba, S. Barnes, M. Kaase), плюралистической демократии (Р. Даль), освободительного участия (П. Фрейре, О. Борда), участия как гражданского управления (Ш. Арнштейн); демократического участия в управлении (S. Hickey, G. Mohan, J. Gaventa). Подход опирается на классические и постклассические теории гражданского общества (Х. Арендт, Ю. Хабермас, П. Бурдьё, Н. Луман, М. Фуко) и секторального подхода (Л. Саламон, Х. Анхайер, Л.И. Якобсон, Р. Соколов, И.В. Мерсиянова, К. Рэнси, J. Ferrer, A. Cornwall, С.Р. Усманова, Т.И. Макогон, И.Б. Фан).

В практическом плане исследовались механизмы и методы участия в разработке и принятии решений, процессов бюджетирования, планирования развития институтов публичной и социальной политики (Р. Чамберс, A. Cornwall, J. Gaventa, A.-M. Goetz, E. Piffero, М.Б. Горный, В.Н. Якимец, Л.И. Никовская, А.А. Гордиенко), разработки и сопровождения проектов (А.С. Карпов, Н.Г. Рыбальский, Ю.Ю. Галкин, Т.И. Грабельных).

В последние десятилетия осмысление участия в контексте общественного осуществлялось с позиций теории мобилизации (M. Lombe, F. Ssewamala, S. Rosenstone, J. Hansen, A. Этциони, С. Бонд, О.Н. Яницкий, И.А. Климов, О.А. Усачева, А.В. Манойло), теории практик П. Бурдье (T. Janoski, M. Musick, J. Wilson), социального капитала П. Бурдье, Р. Патнема (C. Camp-bell, C. McLean, C. Stephens, V. Bina, T. IJdens, P. Dekker, E. Uslaner, J. Gilbert-son, J. Manning, R. LaDueLake, R. Huckfeldt, P. Vanin, A. Antoci, P. Sacco), социальных сетей (T. Janoski, M. Musick, J. Wilson, R. Huckfeldt, M. Lombe, F. Ssewamala, L. Platt, D. Ferreday, V. Hodgson), социального управления (G. Rowe, L. Frewer), социального конструкционизма (J. Ferrer, A. Cornwall), постструктурализма М. Фуко (B. Cook, U. Kothari), модернизации (R. Edeltraud, B. Weßels, Н.Н. Седова, Н.А. Проскурякова), теорий ограниченного и рационального выбора (C. Uhlaner), общественных и социальных движений (П. Штомпка, О.Н. Яницкий), активизма (E. Turnhout, S. van Bommel, N. Aarts, О.Н. Яницкий, И.Б. Мардарь, И.Н. Трофимова, Р.В. Петухов, С.Г. Климова, И.А. Климов), государственного и муниципального управления (C. Skelcher, И.В. Мерсиянова), гендерных исследований (A. Cornwall).

Не смотря на разнообразие авторов в фокус внимания попадают преимущественно отдельные аспекты или механизмы участия. Очевиден и интерес исследователей к «универсальному» для разных исследовательских традиций пространству участия – оппозиции «граждане – органы власти», что способствует росту терминологической путаницы и ставит на повестку дня проблему разработки общего категориального аппарата, его коррекции с учетом российского контекста. Необходимость создания единой общественно-политической модели участия отмечается и современными западными исследователями (J. Van Deth, K. Newton, H. Giebler⁷).

Поэтому содержание настоящего диссертационного исследования составляет, во-первых, обоснование общественного участия как целостного, модификационного процесса; во-вторых, поиск адекватного для его анализа теоретико-методологического подхода, позволяющего выделять в этом процессе те его фрагменты, которые, будучи внутренне связанными, оказывают направленное влияние на общественное развитие; в-третьих, разработка интегративной теоретической и эмпирической модели общественного участия.

⁷ Private groups and public life: social participation, voluntary associations, and political involvement in representative democracies / ed. by J. W. van Deth. – London : Routledge, 1997. – 264 p.; Newton, K. Patterns of participation : Political and Social participation in 22 nations / K. Newton, H. Giebler. – Berlin, 2008. – 45 p. – (WZB. Discussion Paper ; SP IV 2008–201).

Таким образом, **научная проблема** обусловлена сложившейся ситуацией, когда широта пространства и динамичность общественного участия не могут быть осмыслены в силу узкодисциплинарного и преимущественно прикладного характера их изучения. Суть проблемы заключается в отсутствии социологической концепции, способной преодолеть противоречие между ростом качественного многообразия практик, изменчивостью процессов участия в общественной сфере и их пространственной и временной целостностью.

Теоретический объект исследования – модификация общественного участия в эпоху современности.

Предмет исследования – проектность как модификация общественного участия.

Цель исследования – разработка социологической концепции проектной модификации общественного участия в эпоху современности.

Достижения цели предполагает решение следующих задач.

1. Проанализировать эволюцию теоретических подходов к анализу общественного участия в целях обоснования необходимости его нового концептуального и категориально-понятийного осмысления.

2. Осуществить категориально-понятийную интерпретацию феноменов «участие» и «общественное участие».

3. Разработать теоретико-методологические основания проектного анализа общественного участия.

4. Верифицировать разработанную концепцию на макроуровне: выделить макропроекты общественного участия, описать динамику их возникновения и кризисов в западных странах и России в эпоху реалистического модерна.

5. Выделить теоретические и социальные основания конструирования современного общественного участия как сложного проекта (в терминологии З. Баумана);

6. Определить общие признаки, проблемы и тенденции становления современного российского проекта общественного участия.

7. Разработать инструменты диагностики состояния и потенциала общественного участия на уровне местных сообществ, обосновать и апробировать в качестве инструмента метод совместного социального картирования.

8. Выявить характер конструирования, состояния, барьеры и перспективы развития общественного участия в России на локальном уровне в сообществах интересов и сообществах места.

Гипотеза-основание исследования. Модификация общественного участия в современном обществе представляет собой инкретно-дискретный социальный процесс, целостность которого обеспечивается сменяемостью разноуровневых проектов. Институционализация формата проектов под воздействием социокультурных, социально-экономических и социально-политических факторов способствует поддержанию устойчивости многооб-

разных, в том числе и слабоформализованных, практик общественного участия на разных уровнях общественных отношений.

Гипотезы-следствия:

- общественное участие как отдельные практики свойственно всем историческим типам обществ, но значимым фактором общественного развития оно становится только в эпоху модерна; устойчивый проектный характер на макроуровне оно приобретает в эпоху реалистического модерна;

- проект общественного участия может быть осуществлен на всех уровнях общественных отношений при наличии проактивных субъектов, способных влиять на направленность проекта; пространства для его реализации; адекватной общественной программы, привлекательной для акторов и пригодной для их мобилизации в проект, а также связанных с программой дискурсов и практик;

- проектность общественного участия формируется вокруг точек роста, задаваемых активностью, практиками и смыслами, корреспондируемыми с программой проекта; проекты характеризуются подвижностью границ, возможностью возникновения на их периферии альтернативных общественных программ; проекты сменяют друг друга через ситуацию кризиса, который возникает если их компоненты становятся неадекватны текущей социальной реальности или происходит их рассогласование;

- текущий российский проект содержит признаки простого проекта модерна (ведущая роль государства, наличие доминирующей программы, реализуемой через механизмы административного воздействия и нормативного регулирования) и сложного проекта постмодерна (множественность программ, пространств общественного участия, ценностный плюрализм, диффузия дискурсов, неустойчивость практик), что стимулирует общественные противоречия, препятствует вовлечению в проект различных групп населения.

Область диссертационного исследования

В соответствии с Паспортом и формулой специальности научных работников 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» в диссертационном исследовании общественное участие изучается в контексте «факторов, связанных с глобализацией и регионализацией», как проявление «конкретного состояния и уровня интеграции и дезинтеграции в социальном пространстве современного российского общества». В качестве факторов модификации исследуются «радикальные изменения», проявляемые через новые и традиционные формы общественного участия.

Исследование осуществлялось в следующих областях: историко-теоретический анализ формирования новых социально-групповых общностей, их взаимодействия и иерархии (п. 8), роль социальных институтов в трансформации социальной структуры общества (п. 6), становление гражданского общества в России, его элементы и структура (п. 21).

Теоретико-методологическая база исследования

Концептуальную основу исследования составили теоретико-методологические подходы социологического, философского и политологического характера. Использована социально-конструкционистская теория П. Бергера и Т. Лукмана (общественное участие как инструмент и результат социального конструирования, создания социальных норм, институционализации социальных и гражданских отношений), концепции М. Фуко (роль дискурса и дискурсивного действия, распределения власти и влияния) и П. Бурдьё (социально-пространственный подход к анализу, концепция связи физического и социального пространства). Применялся абстрактно-логический, типологический и категориальный анализ, а также сравнительно-исторический и сравнительно-социологический (номотетический) анализ становления западноевропейских и отечественных практик общественного участия.

Важную роль в конструировании концепта общественного участия, адекватного современности, сыграла группа теорий «социологии действия» в их модернистской и постмодернистской интерпретациях, которые позволили рассмотреть данный феномен как проявление «гибких» образов социальности (П. Штомпка), текучей современности (З. Бауман) с учетом културалистских и историцистских подвижных переменных, таких как модернизация и проект (Ю. Хабермас, З. Бауман, П. Штомпка, Ж.-П. Сартр).

Методологические основания совместного социального картирования как метода эмпирических исследований базируются на концепции исследования действием, социологии участвующего действия (О. Борда, П. Фрейре), на пространственном подходе к анализу социальных процессов (А. Лефевр, П. Бурдьё), методологии социального картирования (К. Линч, С. Милграм, П. Гоулд, Р. Уайт) и совместного картирования (М.-Л. Свантц).

Информационную базу исследования составили:

- международные и российские законодательные и иные нормативно-правовые акты, содержащие те или иные регламентирующие положения относительно общественного, гражданского и социального участия;
- материалы, опубликованные в монографиях, статьях специализированных научных журналов, в сети Интернет, материалы научных конференций;
- справочные материалы исторического характера, опубликованные в памятных книжках и адресных книгах досоветского и советского периодов, современные статистические данные;
- данные социологических опросов, проведенных автором в 2004 и в период 2010–2015 гг. по проблемам общественного участия населения (первичные):
 - «Социальное самочувствие жителей муниципального образования «Верх-Тула» (N=5000 чел., январь 2004 г.);
 - «Неформальная помощь и неформальное участие в городском сообществе» (54 полуструктурированных интервью в 10 формализованных и 9 неформализованных объединениях, Новосибирск, февраль–май 2011 г.);

- «Оценка эффективности деятельности органов государственной власти Новосибирской области по развитию институтов гражданского общества» (N=120 экспертов, февраль 2012 г.);
- «Механизмы стимулирования общественного участия жителей поселков городского типа в решении проблем социально-территориальных сообществ (на примере поселений Сузун и Ордынское)» (34 полуформализованных интервью, 6 фокус-групп – 62 жителя, апрель – сентябрь 2012 г.);
- «Социальное самочувствие жителей муниципального образования «Верх-Тула» (N=1000 чел., февраль 2014 г.);
- «Социальное самочувствие жителей муниципального образования «Ордынский район» Новосибирской области (N=1500 чел., май 2014 г.);
- «Потенциал развития народных промыслов и ремесел как ресурс развития территориального сообщества с участием населения» (3 фокус-группы – 37 жителей, поселение Колывань, сентябрь 2014 г.);
- «Оценка эффективности органов исполнительной власти Красноярского края» (N=1800 чел., сентябрь 2012 г., сентябрь–октябрь 2014 г.);
- данные общероссийских и международных обследований (вторичные):
- база социологических данных ВЦИОМ (июнь 1992 – июль 2015 гг.);
- Европейское социальное обследование (ESS) 2002/2003 гг.;
- третья (1999–2001 гг.) и четвертая (2008–2010 гг.) волны Европейского исследования ценностей (EVS, 2011);
- база данных социального развития (ISD) международного института социальных исследований (ISS 1990–2010 гг.).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В основе сущностных характеристик всех видов участия в сфере общественного лежит присущая феномену участия особенность – наличие одновременно свойств социальных действий и социальных отношений, активности и принадлежности. Это задает широту понятийного пространства, многообразие форм, механизмов и смыслового содержания участия и одновременно затрудняет идентификацию его практик.

2. Общественное участие в его социологической интерпретации – это процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению общественно значимого результата путем непосредственного или опосредованного объединения индивидов в группы, сообщества различной степени устойчивости и формализации.

3. Общественное участие может быть осмыслено как проект или множественность проектов, которые через совокупность социальных практик, локализуемых в социальном, дискурсивном и физическом пространстве, направленно влияют на вовлечение индивидов и социальных групп в совместную деятельность по модификации реальности в соответствии с прогнозом или программой, проецирующей действия в

будущее. Признаками и структурными компонентами проекта являются субъекты, акторы, программа, дискурсы, пространство и практики.

4. Если общественное участие с наступлением эпохи модерна приобрело устойчивый характер, то только в эпоху реалистического (позднего) модерна оно приобретает проектность в национальном масштабе. Крупнейшими из них являются «советский» проект (1920–1980-е гг.) и проект США эпохи «всеобщего благоденствия» (конец 1940-х – начало 1970-х гг.), а также западный наднациональный проект (начало 1970-х – 1990-е гг.). Вне зависимости от типа политической системы им свойственны признаки «простого» проекта: формализация структур, мобилизационный характер, высокая включенность государства в модификацию общественного участия через прямое или опосредованное управление, определяемое не только политической доктриной, но и задачами социального и экономического реформирования.

5. Формирующийся в настоящее время постмодернистский макропроект общественного развития является сложным проектом, что определяет и сложность проектов общественного участия. Им свойственна гибкость и вариативность общественных отношений, ослабление роли государства как субъекта проекта, множественность программ и пространств общественного участия, ценностный плюрализм и диффузия дискурсов между пространствами развития, неустойчивость практик. Расширение сетевых структур участия и активное тиражирование технологий способствует их проникновению в другие социальные и социокультурные пространства, возникновению альтернативных периферийных программ, делая общественные отношения более динамичными и неустойчивыми.

6. Современное состояние общественного участия в России является переходным от «простого» проекта к «сложному». Сохранение упрощенной структуры общественного участия, основанной на первичных основаниях участия (отношения / действия), слабая идентификация «гражданского» как вида участия, сохранение в массовом общественном сознании оппозиций «социальное – политическое», «протестное – конвенциональное», затрудняют институционализацию механизмов и форм «сложного» проекта.

7. Общественному участию на микро- и мезоуровне (на уровне сообществ интересов и места) также свойственно состояние переходности. Наряду с сохранением устойчивых традиционных структур и пространств участия новые локальные проекты возникают преимущественно через «открытие» новых пространств. Их признаками являются множественность и дифференциация акторов, структур участия; сетевая тиражируемость технологий и практик; ограниченная групповая идентичность участников. Проекты формируются в условиях оппозиционности двух культур общественного участия: «патерналистской» и «контрактной».

8. Метод совместного социального картирования позволяет фиксировать зависимость между характером социально-территориальной идентичности / территориальными интересами целевых групп и пространственным рас-

пределением общественного участия в идентифицируемых группами границах поселения, что делает данный метод применимым для диагностики процессов общественного участия в местных сообществах, а также для вовлечения групп в участие и сопровождение локальных проектов.

Научная новизна исследования. Настоящая диссертация – первое в российской социологии исследование, в котором предметом анализа выступает вся совокупность видов участия в общественном пространстве. На основе обобщения классических и современных работ, включая западные исследования проблем общественного, социального, гражданского и политического участия преимущественно с 1940-х гг. и по настоящее время, на основе эмпирических данных и исторических источников разработана социологическая концепция проектной модификации общественного участия.

В рамках разработанной концепции:

- предложена новая социологическая интерпретация категорий «участие» и «общественное участие». Доказано, что интерпретация участия как совокупного проявления свойств отношений и действий, а также использование категории «участие» как родовой по отношению к иным видам участия является закономерным следствием эволюции теоретических подходов к анализу процессов участия и важным условием идентификации и анализа современных практик участия в общественной сфере;

- разработан проектно-модификационный подход, позволяющий осмыслить общественное участие как множественность сменяемых друг друга проектов; он позволяет соединить статическую (социально-пространственную) и динамическую модели анализа общественного участия, прогнозировать изменения в процессах участия на макро- и микроуровне.

В ходе верификации предложенной концепции:

- подтверждена проектная сущность процессов общественного участия на основании анализа отдельных макропроектов реалистического модерна. Доказано, что устойчивость проектов определяется мобилизационной ролью государства как субъекта проекта. В противовес представлениям о высокой роли государства в условиях «догоняющей модернизации» доказано, что его доминирующая и мобилизационная роль свойственна всем простым проектам национального уровня эпохи модерна;

- выделены механизмы функционирования сложных проектов общественного участия. Доказано, что современные процессы общественного участия становятся более динамичными, но менее устойчивыми из-за влияния характерных для постмодерна явлений как множественность и вариативность проектов, изменение акторов и форм участия (от коллективных к индивидуальным, от отложенных к прямым, от длинных проектов к коротким);

- выявлено, что для российских практик участия характерна переходность от простых к сложным проектам (что проявляется в существовании одновременно двух базовых оппозиционных культур участия), консервация позиции государства как единственного ведущего субъекта проекта, наличие множественных барьеров, влияющих на рост активности населения;

– доказано, что барьерами модификации российской модели общественного участия сегодня выступает «архаичность» восприятия ее свойств в массовом общественном сознании: слабая идентификация населением «гражданского» как специфической позиции по отношению к государству; дифференциация, а отчасти и противопоставление акционных форм участия (коротких проектов) его ассоциативным формам (длинным проектам), что затрудняет конструирование структуры общественного участия, адекватной современным вызовам;

– установлена способность современных сложных проектов сохранять устойчивость на локальном уровне вне традиционных организационных форм участия за счёт тиражирования технологий участия, сетей и слабо-формализованных сообществ, чья деятельность способна оказывать влияние на общественное мнение, государственные институты и организации;

– выделены дисфункции и деформации в структурах общественного на локальном уровне. Установлено, что современные проекты общественного участия формируются на периферии, преимущественно на секторальных границах за пределами традиционных пространств участия;

– предложен и использован комплекс инструментальных средств, позволяющий решать взаимосвязанные задачи диагностики, анализа и влияния на процессы общественного участия на уровне местных сообществ. Показана и эмпирически доказана перспективность метода совместного социального картирования как инструмента диагностики территориальной идентичности, территориальных интересов, пространств, границ, значений и практик общественного участия, вовлечения населения в процессы развития территории; предложен порядок его применения в локальных социально-территориальных сообществах.

Научная и практическая значимость.

1. Разработанная концепция позволяет, преодолевая узкодисциплинарные барьеры, осуществлять целостный и динамический анализ процессов общественного участия: идентифицировать практики общественного участия, оценивать их мобилизационный потенциал, перспективы влияния на социальный и политический контекст.

2. Предложенный проектно-модификационный подход дает возможность выделять и анализировать основные и периферийные проекты и практики общественного участия, понимать характер их влияния на ход социальных и политических процессов на макроуровне и микроуровне, прогнозировать векторы и динамику общественной активности.

3. Разработанный инструментарий диагностики общественного участия в социально-территориальных сообществах позволяет оценивать состояние и потенциал общественного участия в локализованном пространстве, а также проектировать стратегии развития территорий и прогнозировать общественные конфликты на территории.

Проведенное исследование может быть использовано:

– *структурами гражданского общества*, в том числе общественными

палатами разного уровня, аналитическими и ресурсными центрами, с целью:

- оценки состояния и перспектив развития гражданского общества и общественного участия в субъектах Российской Федерации;
- выработки рекомендаций органам власти при определении приоритетов государственной поддержки общественных объединений, формирующихся структур и механизмов общественного участия;
- *органами государственной и муниципальной власти* с целью повышения качества аналитической информации, адекватной оценки факторов и потенциала общественного участия при принятии значимых управленческих решений, разработки программ, проектов поддержки общественных инициатив, социально-экономического развития поселений;
- *образовательными структурами* для подготовки специалистов в области социологии, политологии, социальной работы, конфликтологии, государственного управления, а также переподготовки и повышения квалификации государственных служащих.

Реализация выводов, их практическое внедрение шло поэтапно. Исследования историко-социологического характера использовались при подготовке учебного комплекса «Менеджмент НКО» (2002–2005 гг.).

Инструментарий для диагностики общественного участия на локальном уровне разработан и апробирован в ходе научно-практических работ в поселениях Сузун, Ордынское (НГТУ, ЦИТиС 1201279139, 2012 г.); выработаны предложения по совершенствованию взаимодействия органов власти с населением в Ордынском районе в 2012–2014 гг. (Акт о практическом применении результатов от 22.02.2017 № 50). Диагностика потенциала общественного участия населения в проекте развития исторического поселения осуществлена в Колыванском районе (Акт о внедрении от 03.02.2017 № 392). Концепция общественного участия, результаты эмпирических исследований использовались при разработке муниципальной целевой программы поддержки общественных инициатив и развития институтов гражданского общества на 2017–2020 гг. в г. Новосибирске (Акт внедрения от 10.01.2017 № 03/2-2/00007).

Апробация работы. Научные и научно-практические результаты опубликованы автором в монографиях, статьях, учебных пособиях и научно-методической литературе для специалистов-практиков. Всего по теме диссертации опубликовано 59 научных работ общим объемом около 72 п.л., в том числе 17 работ в рекомендуемых ВАК рецензируемых изданиях (11,1 п.л., 9,5 авт.л.).

Основные положения и результаты диссертационного исследования были презентованы и опубликованы в материалах международных, всероссийских научных конференций, симпозиумов, конгрессов. В их числе – XVIII Апрельская международная научная конференция Высшей школы экономики по проблемам развития общества и экономики (2017, Москва, ВШЭ); Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (2016, Екатеринбург, УФУ); XVII

Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества» (2016, Москва, ВШЭ); конференция «Взаимодействие органов власти с НКО и устойчивость третьего сектора: Россия в международном контексте» (2015, Москва, ВШЭ); 109-й Ежегодный съезд Американской социологической ассоциации (2014, Сан-Франциско, США); II Международный конгресс конфликтологов (2014, Санкт-Петербург, СПбГУ); Объединенная региональная конференция Ассоциации славянских, восточно-европейских и евразийских исследований (ASEEES) и Общества центрально-европейских исследований (CESS) (2014, Астана, Назарбаев университет); IV Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (2012, Москва); III Всероссийский социологический конгресс (2008, Москва).

Структура диссертационного исследования включает введение, четыре главы и заключение, список литературы (449 наименований источников), 31 таблица, 14 схем и рисунков и 4 приложений.

В *первой главе* «Теоретико-методологические основания исследования общественного участия» анализируются теоретико-методологические подходы к анализу общественного участия с раннего и классического этапа западной и российской социологии до настоящего времени. Конструируются и типологизируются категории «участие» и «общественное участие», обосновывается их теоретическая модель.

Во *второй главе* «Проектность как модификация общественного участия: социологический анализ» внимание сосредоточено на разработке и верификации социально-проектного подхода как теоретико-методологического основания анализа общественного участия.

В *третьей главе* «Социальные основания конструирования нового проекта» анализируются кризисные проявления в проектах реалистического модерна, выделяются основания и признаки новых постмодернистских проектов, а также строится эмпирическая модель общественного участия для современного российского общества.

В *четвертой главе* «Потенциал общественного участия в российском обществе: социально-пространственные характеристики современного проекта» исследуются контуры и перспективы нового проекта на микроуровне с учетом их социальной и территориальной локализации, характер общественного участия в сообществах интересов и сообществах места.

В *заключении* представлены наиболее важные выводы диссертации и обозначены перспективы исследований по проблеме.

II. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Положение 1.

В основе сущностных характеристик всех видов участия в сфере общественного лежит присущая феномену участия особенность – наличие одновременно свойств социальных действий и социальных отношений, активности и принадлежности. Это задает широту понятийного

пространства, многообразие форм, механизмов и смыслового содержания участия и одновременно затрудняет идентификацию его практик.

Одной из проблем исследования современных процессов общественно-го участия является отсутствие его общепринятого понимания. Не только в российской, но и в западной исследовательской традиции, насчитывающей многие десятилетия, сохраняется разный уровень проработанности и противоречивые смысловые традиции в отношении категориального аппарата участия. Контекстный анализ использования категории «участие» в социологических исследованиях, показал, что редкое обращение исследователей к категории «участие» в ранних социологических теориях обусловлено первичностью исследования коллективного перед исследованием индивидуального⁸, а также бóльшим вниманием к *результатам* коллективной деятельности в группе, нормам, «установленным соглашениям» (А. Фулье, Г. Спенсер, К. Маркс), чем к участию как *процессу*.

Категория «участие» применялась исследователями преимущественно в широком общественном контексте, органично сочетая в себе свойства принадлежности (коллективности и солидарности) и объединяющего действия (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, А. Токвиль, Ф. Теннис, П. Кропоткин, В. Бехтерев, П. Сорокин). Смысловая широта и универсальность ее конструирования была постепенно утрачена в ходе решения практико-ориентированных задач в отдельных сферах общественных отношений.

Начиная с эпохи чикагской школы (1920-е гг.) в предметной области социологии осмысление участия в общественной сфере идет одновременно с активной легитимацией его практик. Будучи связанным с характером текущего социально-управленческого и общественного запроса, интерес к участию удовлетворяется преимущественно в ходе решения практико-ориентированных задач. Следствием этого стал рост качественного разнообразия категориального и предметного пространства участия в общественной сфере (социальное, гражданское, политическое, электоральное, общественное, соседское участие, участие в сообществах и пр.) и оформление их узкодисциплинарных границ. Поэтому сегодня отсутствие философской и социологической интерпретаций феномена участия служит существенным препятствием к категоризации феномена общественного участия.

С точки зрения автора, в основании сущностных характеристик участия лежит понимание индивида как *участника социальных действий и отношений*⁹. Свойство *совместности*, как проявление *и принадлежности, и коллективно-ориентированного действия*, отличает «участие» от понятий «активность», «деятельность», употребляемых в качестве его синонимов. Также они не содержат два важных признака: субъектность и направленность (интенциональность) действий участвующих.

⁸ *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер с англ. В. Николаева. – Москва : КАНОН-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 288 с. – С. 37.

⁹ *Штомпка, П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – С. 211. – 704 с.

Если рассматривать участие как процесс, то важно обратить внимание на свойства, определяющие его широту и сложность анализа:

1. Участие, как состояние, обращенное в будущее, имманентно содержит в себе характеристики *модификаций*. В зависимости от глубины вовлеченности в процессы участия, изменения могут касаться как внешних, так и внутренних параметров личности: статуса, членства, избираемых стратегий, характера идентичности, целей, интересов, ценностей и др. – и приводить к приобретению ею качественно новых свойств.

2. Присущие феномену свойства действий и отношений обуславливают широту диапазона практик, идентифицируемых как участие. Они могут варьироваться от состояния принадлежности вне активного действия – не действия, включая сознательное неучастие, – до активных персональных и коллективных действий акционного характера с опосредованной или слабо выраженной принадлежностью к группе, референтной для индивида.

3. Участие, будучи на уровне индивида и группы состоянием конечным, ограниченным во времени, на институциональном уровне приобретает свойства перманентности. Это обуславливает его инкретно/дискретные характеристики: конечность как действия, но непрерывность как модификационного процесса на макро- и микроуровнях.

Это позволяет определить участие как *процесс и результат непосредственного или опосредованного вовлечения субъекта в совместную деятельность или включения в группу для достижения значимого результата*.

Положение 2.

Общественное участие в его социологической интерпретации – это процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению общественно значимого результата путем непосредственного или опосредованного объединения индивидов в группы, сообщества различной степени устойчивости и формализации.

Конструируя понятие «общественное участие», целесообразно оттолкнуться от двух его дискурсов, своим наличием подтверждающих широту и гибкость его смыслового пространства.

В гражданско-политическом дискурсе участие – это *влияние*, механизм включения населения в процессы управления, распределения власти. В его контексте анализируются организованные или спонтанные практики, позиционирующие субъектов участия по отношению к государству, даже если оно не является непосредственным субъектом взаимодействия. Выступая гражданской ценностью и правом, оно определяется как *гражданское участие, политическое участие, электоральное участие*.

В социально-коммунитарном дискурсе участие – это *вовлечение* в многообразные ролевые отношения с сообществом, объединение людей между собой и для себя, определяемое как *социальное участие*.

Принципиальное отличие такого прочтения общественного участия заключается в акцентировании внимания не на субъектах отношений и инструментах, а на базовых характеристиках собственно участия: совместности, сознательности и целенаправленности социально-ориентированных действий.

Однако теоретический и эмпирический анализ участия в сфере общественного показывает, что такой устоявшийся взгляд на распределение понятий и дискурсов противоречит его современному состоянию, которое характеризуется: 1) разнообразием практик, содержащих в себе одновременно признаки нескольких видов участия; 2) взаимопроникновением дискурсов в ранее самостоятельные предметные сферы социологического и политологического анализа; 3) нарастанием теоретического плюрализма и междисциплинарности исследований участия.

Поэтому осмысление процессов участия в пространстве общественного требует поиска интегративной категории и адекватного подхода для его целостного анализа. Категориально-понятийный анализ показал, что искомой интегративной категорией может стать категория «общественное участие», как имеющая наиболее широкий смысловой контекст. Дополнительный аргумент: содержание термина «общественный» (public), который Х. Арендт обозначила как «мир как таковой, в той мере, в какой он является общим для всех нас и отличен от нашего частного занимаемого в нем места»¹⁰.

В такой интерпретации общественное участие может рассматриваться как социологическая категория, которая, обладая емким объемом, может

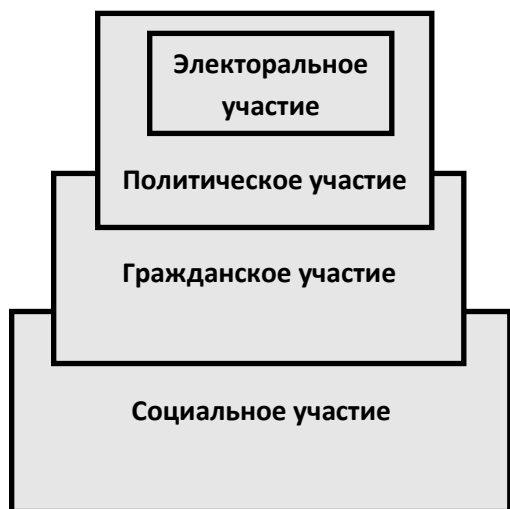

Рисунок 1 – Универсальная теоретическая модель общественного участия

включать в себя содержание категорий гражданское, политическое, электоральное, социальное участие (рисунок 1). Косвенным подтверждением уместности их объединения служат результаты Европейского социального обследования (ESS, 2002/2003), исследования «Гражданство, вовлеченность, демократия в Америке» (CID, 2006), подтвердившие кумулятивность этих видов участия, комплементарность форм и видов, но не компенсаторность¹¹.

Склонность к общественному участию усваивается труднее, чем другие свойства человеческого капитала. Условия этого: наличие смыслов в участии и

¹⁰ Александер, Дж. Власть, политика и гражданская сфера / Дж. Александер ; пер. с англ. М. В. Горностаевой // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 9.

¹¹ Newton, K. Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations / K. Newton, H. Giebler. – Berlin, 2008. – 45 p. – (WZB. Discussion Paper SP IV 2008–201). P. 25–26; Савельев, Ю.Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран / Ю.Б. Савельев // Социологические исследования. – 2013. – № 12. – С. 64–71; Dalton, R.J. Citizenship norms and the expansion of political participation / R.J. Dalton // Political Studies. – 2008. – Vol. 56. – P. 76–98.

готовность их усваивать; возможность идентификации своих интересов как общественных; осознанный и добровольный характер действий – иначе речь может идти о квазиучастии. Поскольку в основе общественного участия лежит этический навык, оно труднее поддается изменению или уничтожению, однако, став капиталом, может быть растрчено.

Задаваемый масштаб участия, многообразие его агентурных ресурсов и структурных возможностей влияют на процесс участия, делают неизбежным множественность и инвариантность его видов и форм, что требует типологического анализа. Выделив и обобщив десятки типологий участия и общественного участия, а также опираясь на опыт эмпирического анализа его практик, автор считает перспективными для идентификации и анализа общественного участия пять пар его переменных (таблица 1), на которые и опирается в дальнейших эмпирических исследованиях.

Таблица 1 – Основные пары переменных, определяющие характер общественного участия

Основание	Пара переменных
По виду субъекта	Индивидуальное – коллективное
По степени самостоятельности субъекта в процессе участия	Автономное – мобилизационное (в крайних формах – квазиучастие, субучастие)
По степени активности субъекта	Пассивное (принадлежность) – активное (сотрудничество)
По социальной дистанции	На близкой социальной дистанции, (например, соседство) – на дальней дистанции (например, незнакомые)
По степени упорядоченности и организованности практик	Спонтанное, ситуативное, неформализованное – институционализированное, формализованное

Положение 3.

Общественное участие может быть осмыслено как проект или множественность проектов, которые через совокупность социальных практик, локализуемых в социальном, дискурсивном и физическом пространстве, направлены на вовлечение индивидов и социальных групп в совместную деятельность по модификации реальности в соответствии с прогнозом или программой, проецирующей действия в будущее. Признаками и структурными компонентами проекта являются субъекты, акторы, программа, дискурсы, пространство и практики.

Выделенные выше сущностные характеристики участия (субъектность, интенциональность, дискретность) позволяют обратиться для его анализа к *проекту* как способу конструирования социальной реальности и *проектности* как направленной модификации социальной реальности.

Анализ концептов проекта Ж.П. Сартра, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, З. Баумана, П. Бурдье, П. Штомпки, Э. Гидденса, Т. Лукмана и П. Бергера позволил выделить основные его признаки – *намеренность* и *направленность* воздействия на объект, которые и определяют стратегическую модифицируемость его характеристик в пространстве и времени. На этом основании *проект* в исследовании определен как

совокупность факторов, направленно влияющих на объект, определяющих изменчивость его качественных характеристик в соответствии с прогнозом и со временем приводящих к его качественно новому состоянию (модификации). В современном обществе проект все чаще выступает доминантной формой участия.

Выделены и верифицированы пять ключевых признаков / компонентов проекта: 1) *программа* обуславливает рациональность и целенаправленность участия и проявляет себя через реализованные или нереализованные концепции и интенции; 2) *субъекты проекта* непосредственно влияют на формирование программы, институциональные основания проекта; *акторы* обладают потенциалом активности и мобилизации тех или иных групп и тем самым также влияют на появление новых форм, институциональные изменения участия; 3) социальное, культурное, структурное, физическое *пространство* формируется вокруг точек роста, задаваемых активностью акторов, практиками и смыслами, корреспондируемыми с программой проекта; 4) *дискурсы*, будучи фоновым основанием легитимации и институционализации практик, вбирают в себя значения и смыслы, связанные с проектом; 5) *социальные практики* корреспондируются с программой и дискурсами проекта.

Проекты общественного участия всегда связаны с макропроектами общественного развития. Первые получают специфические черты, будучи сформированными в эпоху модерна или постмодерна, являясь производными их основных или периферийных программ (на периферии общественных проектов может освобождаться место для иных программ, в том числе оппозиционных, радикалистского толка). Поэтому для анализа проектов эпохи современности автор считает необходимым выделять три параметра:

- пространство: основной / периферийный;
- сложность структуры: простой (модерн) / сложный (постмодерн);
- масштаб: индивидуальный / локальный / глобальный.

Общественное участие является неперменным *инструментом* реализации проектов общественного развития, социально-экономических или политических проектов. Однако будучи инструментом общественного развития, требующего осознанности, направленности и аккумуляции ресурсов, общественное участие само становится *объектом* проектирования. Это и позволяет сформулировать такое понимание *проекта общественного участия*, которое представлено в настоящем положении. Его идентификация в общем течении общественной жизни позволяет видеть связи между структурой, ценностями, контекстом и действиями субъектов и акторов, которые, будучи внутренне связанными, оказывают направленное влияние на ход общественного развития.

Проекты завершаются кризисом программы, но их смена не является неперменной. Они могут быть последовательны и диахроничны, могут рождаться внутри другого проекта и при определенных условиях тиражироваться и адаптироваться. Для их устойчивости и преемственности

важно, чтобы значимые позиции, ценности программы, конституирующие основания практик, сохраняли при всех трансформациях «ядро устойчивых отношений». Поэтому анализ процессов с помощью проектно-модификационного подхода имеет ограничения: он направлен на анализ не всего многообразия социальных отношений, а только тех фрагментов, которым присуща намеренность, связанность и конечность.

Положение 4.

Если общественное участие с наступлением эпохи модерна приобрело устойчивый характер, то только в эпоху реалистического (позднего) модерна оно приобретает проектность в национальном масштабе. Крупнейшими из них являются «советский» проект (1920-е–1980-е гг.) и проект США эпохи «всеобщего благоденствия» (конец 1940-х – начало 1970-х гг.), а также западный наднациональный проект (начало 1970-х – 1990-е гг.). Вне зависимости от типа политической системы им свойственны признаки «простого» проекта: формализация структур участия, мобилизационный характер, высокая включенность государства в процессы общественного участия через прямое или опосредованное управление, определяемое не только политической доктриной, но и задачами социального и экономического реформирования.

Предложенный проектно-модификационный подход требует верификации. В исследовании она реализована на двух уровнях: на макроуровне (национальном и наднациональном, отчасти региональном) и микроуровне (локальные сообщества интересов и места). Сопоставление социально-экономических, политических процессов с актуальными концептами общественного участия, нашедшими отражение в государственных нормативных документах и работах социологов этого времени позволил осуществить историко-социологический и сравнительно-социологический анализ процессов общественного участия макроуровня в США, Западной Европе и России. Это позволило подтвердить гипотезу о том, что общественное участие свойственно всем историческим типам обществ, но устойчивым и значимым фактором общественного развития оно становится только в эпоху модерна; проектный характер макроуровня общественное участие приобретает в эпоху реалистического модерна.

Анализ социально-экономических и политических процессов показал, что основаниями возникновения наиболее значимых западных проектов стали формирование публичной сферы, процессы индустриализации и урбанизации, развитие системы образования, местного самоуправления, увеличение скорости коммуникаций. В исследовании показано, что уже к концу XIX – началу XX в. в США возросла значимость представительного участия в политическом управлении и социального участия в развитии локальных сообществ и городской среды.

Первый западный национальный проект в определенной степени стал реакцией государства на рост послевоенной социальной апатии населения, которая рассматривалась как угроза демократии. В основе его программы

лежали концепты «всеобщего благоденствия» и «борьбы с бедностью», идеи экспертного сообщества: чикагской школы, Р. Мертона, С. Вербы, Г. Алмонда, А. Этциони, Д. Мойнихана. Проект носил мобилизационный характер. Государство выступило его *субъектом*, используя возможность ограниченного прямого управления участием, а *актерами* стали местные сообщества, ассоциации. Функционирующими *дискурсами* были социальный, благоденствия, коммунальный и коммунитаристский. *Практики* включали вовлечение и участие акторов в федеральных проектах и программах борьбы с бедностью, осуществляемых через мобилизацию внутриобщинного потенциала. Кризис проекта выразился в кризисе программы «максимально возможного участия» середины 1960-х – начала 1970-х гг., в росте конфликтности особенно на уровне местных сообществ.

Второй проект сформировался на национальном и наднациональном уровнях в развитых западных странах. В основании его программы лежала концепция общественного участия как инструмента социального управления. Она проявлялась в двух вариантах: *радикальном (периферийном)* – участие как доступ и проявление власти в концепциях «новых левых» (Г. Маркузе, Э. Фромм, А. Горц); в концепциях «освободительного участия» (П. Фрейра, О. Борда, А. Рахман) – и *умеренном (основном)* – участие как делегирование ответственности (Ю. Хабермас, Р. Чамберс, позже Л. Саламон, Э. Гидденс, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма, А. Корнвелл). *Субъектами* проекта наряду с государством выступили структуры с высоким уровнем влияния и контроля: международные, национальные общественные объединения различного типа и общественные движения, международные финансовые институты. Среди *дискурсов* выделяется дискурс социального развития, демократический и гражданский, секторальный дискурс. *Практики* проекта привели к формированию организационных систем третьего сектора и развития местных сообществ. Проекту свойственна институционализация, технологизация, унификация практик участия и их тиражирование в развивающиеся и посткоммунистические страны («Совместные методы обучения и действия») (PLA).

Проект показал, что нарастающие изменения общественной структуры на национальном и наднациональном уровнях способствуют нелинейному расширению территориального и социального пространства общественного участия, но ослабляют возможности государства к его прямому управлению, замещая его непрямым, при сохранении его субъектных позиций в проекте, а также функций влияния и контроля. Кризис проекта пришелся на конец старого тысячелетия, однако ряд его признаков сохраняется до сих пор.

Если американский национальный проект общественного участия содержит признаки ограниченно-мобилизационного, то сформировавшийся параллельно с ним сначала на национальном, потом наднациональном уровне советский проект можно определить как государственно-мобилизационный.

Анализ доказывает преемственность стратегий влияния советского и российского государства на структуры участия, налицо прагматизм государ-

ственной власти в использовании накопленного социального капитала. Это обусловлено длительным доминированием мобилизационной кризисной культуры участия и идеологического, этико-нормативного дискурса, запроса государства на контролируемое общественное участие для решения модернизационных задач.

Государство выступает заказчиком, инициатором и организатором общественного участия. Мобилизуя общественность (нередко через структурное насилие) на решение актуальных задач, оно стимулирует накопление и истощает ограниченно накопленный социальный капитал. Избирательность конструируемых сфер и каналов общественного участия обеспечивается с помощью трех пересекающихся стратегий его конституирования, воспроизводимых в проектах:

1. Общественное участие в нормативно регламентированных общественных инициативах в «выделенном» государством пространстве.

2. «Приглашение» или «принуждение» государством к участию в проекте, иницируемому, проектируемому или активно поддерживаемому государственными структурами.

3. Манифестирование ряда периферийных практик в сферах политического и гражданского участия как нелегитимных.

В исследовании доказывается, что процессы институционализации общественного участия в России начались раньше, чем процессы реальных демократических преобразований. Это обусловило консервацию патерналистской культуры как нормы отношений государства и общественности. В этих условиях рост неконтролируемой общественной активности есть побочный результат и своеобразная плата государства за использование ресурсов общественности.

Ограниченность легальных пространств участия, а также наличие социальных, нормативных фильтров для его развития обусловили модификацию формирующегося макропроекта начала XX в. в политический, обусловив взрыв сначала политического, а впоследствии и общественного участия.

Советский проект усилил государственно-мобилизационный характер общественного участия. Позицию *субъекта* сохранило и усилило государство, *акторов* – формализованные общественно-политические объединения. *Программа*, построенная на идеологическом обосновании социалистического метапроекта, проявлялась в *дискурсах* классовой борьбы и противостояния систем. Сращивание государственного, коллективного и частного обусловило структурную специфику *пространств*, в которых осуществлялась унификация и централизация *практик* общественного участия. Это привело к кризису проекта – к потере способности к самокоррекции, рутинизации и бюрократизации структурного пространства, отделению участия от членства, ослаблению неформальных правил социального участия.

Таким образом, проекты общественного участия эпохи реалистического модерна демонстрируют тесную зависимость между

политическими, социально-экономическими вызовами и характером общественного участия, поэтому на макроуровне оно проявляется как совокупный ресурс. Но если западные проекты по своим свойствам носили адаптивно-модификационный характер, то советский и следующий за ним российский проект представляли собой вариант существенной модификации.

Положение 5.

Формирующийся в настоящее время постмодернистский макропроект общественного развития является сложным проектом, что определяет и сложность проектов общественного участия. Им свойственна гибкость и вариативность общественных отношений, ослабление роли государства как субъекта проекта, множественность программ и пространств общественного участия, ценностный плюрализм и диффузия дискурсов между пространствами развития, неустойчивость практик. Расширение сетевых структур участия и активное тиражирование технологий способствует их проникновению в другие социальные и социокультурные пространства, возникновению альтернативных периферийных программ, делая общественные отношения более динамичными и неустойчивыми.

Смена проекта выражается в системных изменениях структуры и содержания общественного участия в контексте более крупных социальных трансформаций, в ситуации, когда «иссякает исходная энергия проекта»¹². Анализ западных работ тех десятилетий, когда происходила смена проектов, позволил установить, что наиболее выраженно кризис проявляется в гражданском и политическом сегментах участия при сохранении относительной устойчивости социального участия. Общими признаками кризиса служат тенденции к универсализации структур, технократизация механизмов, ритуализация процедур общественного участия при ослаблении восприятия участия как цели и ценности, а также усиление критики текущего проекта¹³ особенно в отношении распределения власти и контроля.

Наличие кризисных признаков последних «простых» проектов подтверждены в диссертационном исследовании эмпирическими данными. Кризисность выразилась в сокращении активности в традиционных и устойчивых общественных структурах, росте неформализованных и даже нелегитимных практик гражданского и политического участия, «выпадении из смысла» – реинтерпретации практик.

Покомпонентный анализ современного общественного участия с помощью социально-проектного подхода позволил выделить признаки

¹² Хайдеггер, М. Время картины мира // Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. – Москва: Республика, 1993. – 471 с. – С. 42.

¹³ Participation: the new tyranny? / ed. by B. Cooke, U. Kothari. – London: Zed Books, 2001. – 207 p.; Hibbing, J. Stealth democracy: Americans beliefs about how government should work / J. Hibbing, E. Theiss-Morse. – New York: Cambridge University Press, 2002. – 304 p.; Macedo, S. Democracy at risk: how political choices undermine citizen participation, and what we can do about it / S. Macedo, R. Putnam, M. Levi, W. Galston et al. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2005. – 240 p.; Participation: from tyranny to transformation? / ed. by S. Hickey, G. Mohan. – New York: Zed Books, 2004. – 292 p. и др.

нового постмодернистского сложного проекта: множественность проектов общественного участия; параллельное существование новых и традиционных структур общественного участия; появление новых, в том числе маргинализированных акторов; диффузия дискурсов, размывание границ между видами общественного участия, приводящее к смешению их пространств; непродолжительность и неустойчивость практик; переход от коллективных и отложенных к индивидуальным и прямым формам гражданского и политического участия; усиление горизонтальных связей при сокращении анонимности участия.

В России сохраняющаяся транзитивность общественных отношений и непоследовательность модернизационных программ усилили кризисные проявления, обусловили слабость потенциальных субъектов проекта. К примеру, наряду с появлением новых акторов идет активизация акторов традиционалистского типа: за десятилетие (2005–2015 гг.) в России более чем наполовину (54,7 %) сократилось число профсоюзных объединений, почти на треть (31,1 %) – число общественных объединений, но на 17 % выросло число религиозных организаций¹⁴, что меняет ценностные и нормативные требования к конструируемым пространствам участия.

Но важен и факт структурных изменений общественного участия, поскольку рост или ослабление числа участников не всегда есть признак кризиса. На традицию связывать «хорошее» участие с «всеобщим», массовым в исследовательской и общественно-политической риторике указывал еще С. Верба, замечая, что только малое число участников способно поддерживать регулярно высокую активность. Участие должно быть не «широким», но *адекватным*, проявляться в спектре уместных практик участия и неучастия, допускать их потенциальную возможность, актуализируя право на участие¹⁵.

В экспертном компоненте, влияющем на формирование программы, кризис проявляется в усилении ценностного и методологического плюрализма в оценке общественного участия. Экспертный опрос, проведенный автором в г.Новосибирске в 2012 г. показал, что сегодня экспертное сообщество ожидает роста общественной активности более от его нетрадиционных практик (91 %), чем от общественных организаций (80 %), протестного участия (68 %) или нормативно регулируемых форм (61 %).

Все это показывает иную, чем по сферам, дифференциацию структурных пространств общественного участия. В «освоенных» пространствах участие становится более управляемым, в то время как в «открывающихся» пространствах, особенно находящихся под влиянием периферийных коротких проектов, оно регулируется слабо. В такой ситуации периферийные программы могут конкурировать с основными или дополнять их, а субъекты периферийных проектов – использовать мобилизационный потенциал общественного участия для влияния и прямого управления.

¹⁴ Российский статистический ежегодник. 2005. – С. 58; 2010. – С. 59–60; 2015. – С. 264–268.

¹⁵ Verba, S. Democratic participation / S. Verba // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1967. – Vol. 373 (2). – P. 77–78.

Положение 6.

Современное состояние общественного участия в России является переходным от «простого» проекта к «сложному». Сохранение упрощенной структуры общественного участия, основанной на первичных основаниях участия (отношения / действия), слабая идентификация «гражданского» как вида участия, сохранение в массовом общественном сознании оппозиций «социальное – политическое», «протестное – конвенциональное», затрудняют институционализацию механизмов и форм «сложного» проекта.

Выделение признаков современного проекта закономерно способствовало постановке следующего вопроса: насколько они адекватны современному состоянию общественного участия в России и насколько здесь уместна предложенная теоретическая модель общественного участия? Поиск ответа побудил обратиться к эмпирическим исследованиям, которые были проведены в 2014 г. в Красноярском крае. Для этого были выделены 21 переменная общественного участия и 9 переменных общественно значимой деятельности, охватывающие широкий спектр форм участия в социальной, гражданской и политической сферах – от соседского участия и благотворительности через формализованные и неформализованные социальные и гражданские практики до политического и электорального участия. Исследование показало, что 81,6 % населения края регулярно или время от времени были вовлечены в одну из тридцати форм общественного участия и общественно значимой деятельности. Значительная их часть приходится на традиционные виды организованных практик – участие в выборах (64,3 %) – и неорганизованных практик – участие в помощи соседям и знакомым (66,9 %), а наименьшая часть – на участие в организации (8,2 %) и участие в протестной акционной деятельности (11,8 %).

Применение факторного анализа позволило создать четыре индекса общественного участия. Внутренняя согласованность составляющих их показателей была дополнительно проверена с помощью коэффициента альфа Кронбаха (Cronbach's Alpha). Анализ факторов показал, что в исследуемом регионе практики общественного участия дифференцируются не столько по «сферным», сколько по структурным и атрибутивным основаниям. Однако построенная с их помощью эмпирическая модель лишь отчасти подтвердила применимость универсальной теоретической модели общественного участия для российской действительности.

Это позволило построить двухуровневую модель современного общественного участия (рисунок 2). На *первом уровне* дифференциация показателей общественного участия происходит по его сущностным основаниям – приоритету *отношений* или *действий*. На *втором уровне* показатели группируются по атрибутивному признаку.

Три индекса, которые можно обозначить как *давление, влияние и помощь / кооперация*, включают в себя практики участия акционного типа с высокой значимостью действий – короткие проекты. Один индекс включает

преимущественно показатели ассоциирования – сообщества и объединения, то есть практики с высокой значимостью *отношений*, – длинные проекты.

	Практики с высокой значимостью действий	
	Давление протестные практики гражданского и политического участия акционного типа Cronbach's Alpha = 0,92	Влияние гражданское и социальное участие (общественное мнение и контроль) Cronbach's Alpha = 0,84
Длинные проекты	Принадлежность ассоциированное участие или участие в сообществах и объединениях Cronbach's Alpha = 0,88	Помощь и кооперация социальное участие (соседство, благотворительность и волонтерство) Cronbach's Alpha = 0,77
	Практики с высокой значимостью отношений	

Короткие проекты

Модель позволяет анализируя эмпирические данные выделить характерные черты современного общественного участия, ряд которых, в случае их дальнейшего подтверждения в исследованиях, могут рассматриваться как закономерности.

– Общественное участие в практиках действий / в коротких проектах (25,3 %) интенсивнее, чем в практиках отношений / в длинных проектах (12,8 %). Последние, предполагая членство или принадлежность к сообществу, требуют большей личностной и ресурсной вовлеченности, прочности связей, нормирования, социального

Рисунок 2 –Эмпирическая модель общественного участия

контроля со стороны сообщества или объединения. Поэтому удельный вес практик принадлежности в общей структуре общественного участия всегда будет ниже, чем удельный вес практик действий.

– С увеличением социальной дистанции, при переходе из социального контекста участия в гражданский и политический, к практикам риска (протестность, публичная акционность), количество участвующих сокращается, но возрастает значение организованности и управления.

– Из всех видов участия респонденты наиболее слабо идентифицируют гражданское участие; его показатели «размыты» между тремя индексами (давления, влияния, принадлежности); дифференциация показателей между факторами обнаруживает устойчивые оппозиции «социальное – политическое», «конвенциональное – протестное», что скорее свойственно структурам ранних проектов общественного участия.

– Социальное участие, которое по своему содержанию скорее соответствует индексу «помощь и кооперация», является в силу массовости и слабой изменчивости наиболее устойчивым компонентом модели. Большой масштаб и устойчивость социального участия, чем гражданского и политического, подтверждается и данными исследований ESS, 2002/2003; ISD/ISS 1990–2010¹⁶. Однако, поскольку социальное участие – это спонтанная или ассоциированная коллективная деятельность, осуществляемая в рамках повседневно-

¹⁶ Newton, K. Patterns of Participation: Political and Social participation in 22 nations / K. Newton, H. Giebler. – Berlin, 2008. – 45 p. – (WZB. Discussion Paper; SP IV 2008–201); Indices of social development. URL: <http://www.indsocdev.org/data-access.html> (accessed 1.03.2017).

ной жизни, то необходимые для него компетенции осваиваются индивидами уже в ходе первичной социализации и не создают достаточных оснований для их участия в решении актуальных гражданских проблем. При этом, активность социального участия сильно зависит от социальной дистанции (помощь соседям и знакомым – 66 %, участие в благотворительных действиях в отношении незнакомых – 34,3 %).

Избирательность многих современных практик общественного участия поднимает вопрос об их акторах. Исследование показало, что активность участия присуща преимущественно субъектам с накопленными социальными ресурсами, социальной и территориальной мобильностью. Ряд выделенных в ходе исследований в Красноярском крае показателей участия совпадает с теми, на которые указывают и европейские исследователи (образование, доходы, мобильность, гетерогенность сообществ)¹⁷. Это свидетельствует о наличии общих характеристик в современном социальном портрете участвующих россиян и европейцев. Большие отличия от европейцев обнаруживаются в ценностных основаниях общественного участия россиян. Устойчивые положительные связи с показателями участия жителей Красноярского края присущи ограниченному числу ценностей с низким рейтингом в линейке ценностей респондентов и мало связанных между собой: религия, общественное признание и развлечения. Однако сам их состав свидетельствует о наличии у участвующих широкого спектра мотиваторов: от участия как общественного долга (усвоенные внешние нормативные императивы) к общественному участию как результирующей личностных устремлений.

В совокупности приведенные данные подтверждают состояние переходности. Сохранение ряда модернистских ценностей, размытость смыслов гражданского участия служит барьером массовому освоению конвенциональных практик участия, поддерживает ориентацию на практики давления. Однако обращает на себя внимание ресурсный потенциал акторов, адекватный признакам и отчасти ценностям нового постмодернистского проекта.

Положение 7.

Общественному участию на микро- и мезоуровне (на уровне сообществ интересов и места) также свойственно состояние переходности. Наряду с сохранением устойчивых традиционных структур и пространств участия новые локальные проекты возникают преимущественно через «открытие» новых пространств. Их признаками являются множественность и дифференциация акторов, структур и пространств участия; сетевая тиражируемость технологий и практик; ограниченная идентичность участников. Проекты формируются в условиях оппозиционности двух культур общественного участия: «патерналистской» и «контрактной».

Сообщества выступают основной средой, где осуществляется общественное участие. Поэтому для оценки проектного потенциала общественного участия необходим его анализ на локальном уровне.

¹⁷ Alesina, A. Participation in Heterogeneous Communities / A. Alesina, E. La Ferrara // The Quarterly Journal of Economics. – 2000. – Vol. 115, no. 3. – P. 847–904.

Основанием для такого анализа стали исследования характера и потенциала участия в сообществах, интегрированных по общности интересов (исследования общественных объединений и сообществ в г. Новосибирске, 2011), и в сообществах, где большое значение для общественного участия населения играет общность места или социально-территориальный контекст. Для исследования практик участия второго типа выбирались сообщества, по масштабам адекватные «пространству жизни» индивида (рабочие поселки Ордынское (9,5 тыс. жителей), Сузун (15,5 тыс.), 2012; Колывань (12,5 тыс.), 2014). Полученные данные позволили утверждать, что в основании современной культуры участия лежат два ее «идеальных типа», связанные с характером групповой, социальной, а в сообществах места – и социально-территориальной идентичности.

Первый, *этико-нормативный, патерналистский тип общественного участия* присущ социально-ориентированным формализованным объединениям, объединениям общинного, «советского» типа, действующим чаще более пяти лет в этическом или «педагогическом» дискурсах. Их целевые группы выделяются по широким социально-демографическим признакам (женщины, ветераны). Исключая часть религиозных общин, такие объединения ориентированы на патерналистскую модель отношений с органами власти, муниципальные и государственные источники финансирования.

Второй, *проектный, контрактный тип общественного участия* свойственен сообществам и объединениям, ориентированным на прагматизацию участия, социальную, гражданскую активность преимущественно проектного типа и действующим менее пяти лет. Целевые группы здесь дифференцированы и конкретны, ориентированы на широкий круг партнеров. Свойственно стремление к «ребрендингу» социальной терминологии, к менеджерально-проектному дискурсу, технологиям бизнес-проекта.

Обе оппозиционные культуры востребованы и примерно соответствуют современному спектру групповой идентичности участвующих, типам проектов (таблица 2). В объединениях с патерналистской культурой внутренняя идентичность – это идентичность коллектива; в контрактной культуре преобладает идентичность команды с ориентацией скорее на цель, чем на отношения. Если в устойчивых объединениях – длинных проектах – сохраняется «мы»-идентичность, то в коротких проектах – сетях с низкой плотностью социального окружения – связи участвующих слабее и проявляются в ограниченных вариантах: «они со мной» или «я с ними».

Казалось бы, временные проектные команды и сети сегодня становятся основанием для новой структуры участия, ослабляя значимость ее формализации, однако в ряде объединений выделены признаки встречных процессов, в частности усиление запроса на участие как профессиональную деятельность оплачиваемых квалифицированных специалистов, что повышает качество деятельности, но также и риск бюрократизации общественного участия. Косвенным признаком этого служит то, что ни в одной из исследуемых организаций не обнаружен запрос на волонтеров, в то время как в слабо-

формализованных проектных структурах присутствуют активисты, участвующие и оказывающие помощь, но волонтерство как статус и самоназвание либо не используется, либо отвергается.

Таблица 2 – Дифференциация сообществ и объединений по культурам общественного участия

Основания для анализа	Патерналистская, этико-нормативная	Контрактная, креативно-проектная	
		«Мы»	«Я с ними» или «они со мной»
Позиция лидера			
Самоидентификация участников	Коллектив	Команда	Сеть
Приоритеты участия	Групповая идентичность	Решение проблем, достижение цели	Коммуникации, решение проблем
Доминирующий дискурс	Этико-нормативный	Проектный	Креативно-проектный
Преимущественная организация деятельности	Операционная деятельность	Проектная деятельность	Проектно-сетевая и событийная деятельность
Характерна для объединений	Международная религиозная община Клуб рукопашного боя Студенческий театр Территориальное общественное самоуправление Объединение многодетных семей Мусульманская община при мечети Поддержка женщин	Фонд местного сообщества Международная молодежная религиозная организация Фонд общественной безопасности Молодежь в бизнесе Экологический центр Фонд «Русский язык» Профилактика социального сиротства	Фестиваль уборки мусора Сеть бесплатного правового консультирования Краудфандинг Массовая уличная художественная акция Сеть «флеш-мобы»

Типы проектов общественного участия определяют стратегии его институционализации. Выделим две ведущих:

– более свойственная длинным проектам – *формализация* общественного участия как результат естественной трансформации общности или целенаправленного создания некоммерческой организации;

– более свойственная коротким «внеотраслевым» проектам – *технологизация* и тиражирование через сетевые взаимодействия без высокой вовлеченности участника в команду, что соответствует современной логике сложного проекта.

Значимыми факторами, влияющими на перспективы и характер локального проекта, являются тип сообществ и пространство участия. Если в крупном городе сильнее проявляется контекстуальность сообществ интересов, то в сельских поселениях это контекстуальность сообществ места, что требует внимания не только к социальной, но и к социально-территориальной идентичности участвующего. Жители готовы участвовать, только идентифицируя себя с группами или с местом. Трехфокусная модель идентификации Л. Кубы и Д. Хаммона (сообщество, место проживания,

местность)¹⁸ позволила сделать вывод, что в исследуемых поселениях сельского типа сегодня ценность места (природный фактор) превалирует над ценностью поселения и сообщества. Это, по мнению исследователей, влияет на характер идентичности, на формирование локальной общественной программы, на сферы активности и структуры участия.

Слабая идентификация с сообществом вынуждает жителей ориентироваться в решении социальных проблем на органы местной власти, что консервирует патерналистскую культуру и структуры участия. Этому способствует и ряд иных факторов: структурирование общественного участия по генерационным основаниям (наиболее ярко выражается в организациях третьего сектора), низкая проницаемость внутренних социальных границ сообщества, сохранение традиционной формализованной структуры и механизмов общественного участия, основанных на общественных объединениях «советского» типа с ориентацией на органы власти. Следствием этого является эксклюзия отдельных социальных и территориальных групп, ориентация жителей на собственные силы, а органов власти – на патерналистские и корпоративистские модели отношений с сообществом.

В то же время в сообществах места имеются основания для проектного освоения социального пространства, формирования вариативных признаков новой программы за счет появления пока незначительных по масштабу альтернативных структур общественного участия, в том числе сетевого характера. «Занятость» социальных пространств традиционными институтами ведет не столько к пересмотру поведенческих стратегий или реконструкции традиционных механизмов и структур участия, сколько к «открытию» новых пространств с новой структурой распределения позиций.

В городах такие практики располагаются на границах секторальных пространств, в ранее не освоенных общественностью социальных пространствах, тогда как в сельских поселениях они чаще обнаруживаются на границе частного и общественного, проявляясь в соседском участии, там, где высока хозяйственная активность. Им свойственна ограниченная идентичность, открытость к новым участникам, расширение возрастных границ. Однако, в отличие от города, в сельских поселениях участники сообществ слабо позиционированы в онлайн-среде. Их постоянный состав ограничен, легко распадается, что делает их трудно выделяемыми в общей сети отношений. Это ставит под вопрос устойчивость формирующихся структур общественного участия без поддержки органов местной власти.

Исследования показали, что общественное участие сохраняет устойчивость не только за счет формализации структур и нормативных механизмов взаимодействий с органами власти, но и за счет освоения социальных технологий сообществами в коротком проекте. Так, через пять лет (2011–2016 гг.) после завершения исследования устойчивость сохранили не только организации (5 из 7), но также ряд проектов сетей и ивентов (3 из 5). Будучи воспро-

¹⁸ Cuba, L. A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region / L. Cuba, D. Hummon // The Sociological Quarterly. – 1993. – Vol. 34, no. 1. – P. 127.

изводимым алгоритмом или технологией, способной работать при смене лидера или участников, проект обеспечивает тиражирование инструментов участия за пределами создавшей его группы.

Однако это не избавляет структуры общественного участия от дисфункций и деформаций. Обозначим некоторые из них:

- в ситуации, когда слабые сети не поддерживаются формированием сильных сетей, а информационная компонента участия превалирует над мотивационной и деятельностной, в сообществах возникает новое состояние «зрителей», что затрудняет становление устойчивых механизмов участия;

- сформированная в условиях пассивности населения культура отношений в сообществах может становиться «репрессивной» к группам или индивидам, ограничивая их доступ к участию, способствуя формированию эксклюзивных сетей, закрытых социальных и экономических групп, содействуя установкам, сепарирующим активность по линии «частное – общественное»;

- сохраняется высокая включенность, прямое влияние органов власти на процессы общественного участия, что затрудняет появление новых субъектов проекта. Сохраняя прагматический подход к общественному участию, ограничивая в доступе к нему группы риска, органы власти в городских и особенно в сельских поселениях воспроизводят логику традиционных стратегий, тем самым усиливая антагонизм формирующихся культур общественного участия и способствуя консервации состояния переходности.

Переходность как состояние консервируется при сохранении признаков двух проектов. В отношении российской действительности их можно обозначить следующим образом (таблица 3).

Таблица. 3 – Современный российский проект общественного участия

Признак / компонент проекта	Признаки простого проекта модерна в современном проекте	Признаки сложного проекта постмодерна в современном проекте
Субъекты	Государство – единственный субъект проекта. Управление процессами общественного участия	Государство сохраняет функции влияния и контроля. Множественность и качественное разнообразие акторов
Программа	Ценность патернализма. Преобладание модернистских ценностей у акторов	Возникновение периферийных программ с тенденцией как к многообразию, так и к оппозиции
Дискурсы	Дискурс справедливости, мобилизации, социального развития	Дискурс возможностей, социального развития, проектный, менеджеральный дискурсы
Пространства	Диспропорции в структурном пространстве участия. Контроль государства через стратегии «выделенного пространства» и «вовлечения в проект»	Глокализация и дифференциация структурных, социальных и территориальных границ и пространств, открытие новых пространств общественного участия акторами
Практики	Приоритет участию в устойчивых структурах социально-сервисного типа	Качественное разнообразие ситуативных и социальных практик. Приоритет короткого проекта

Однако там, где присутствуют общественный диалог, поддержка проектных инициатив, определенный уровень доверия к органам власти, наряду с активностью усиливается инновационная деятельность. Основанием для данного тезиса служит как качественное разнообразие форм и культур участия, так и обнаруженная способность сохранять устойчивость проектов вне традиционных организационных форм.

Положение 8.

Метод совместного социального картирования позволяет фиксировать зависимость между характером социально-территориальной идентичности / территориальными интересами целевых групп и пространственным распределением общественного участия в идентифицируемых группах границах поселения, что делает данный метод применимым для диагностики процессов общественного участия в местных сообществах, а также для вовлечения групп в процессы участия и сопровождения локальных проектов.

Если исследование общественного участия в выделенных сообществах интересов может быть осуществлено с помощью классических социологических опросных методов, то диагностика потенциала и характера общественного участия в локализованном пространстве, в социально-территориальных сообществах, требует поиска методов, способных обеспечить сбор пространственно распределенных и качественно разнообразных данных.

Необходимость такого поиска обусловила обращение автора к качественному анализу интернет-контента социальных сетей (первичная диагностика сообщества, выявление активных и референтных для сообщества индивидов), индивидуальному интервью (анализ отдельных практик участия) и методу *совместного социального картирования*. Это метод *группового интервью с процедурой построения эскизной или масштабной карты, направленный на сбор социально-пространственных данных о сообществе и территории с целью диагностики ситуации и вовлечения участников в проекты развития территории*. В его основе лежит социально-конструкционистская методология и методология исследования действием (AR), совместных действий (PAR – participatory action research). В отличие от методов картирования К. Линча, С. Милграма, П. Гоулда и Р. Уайта, основанных на конвенционализации индивидуальных образов, метод совместного социального картирования позволяет реконструировать групповой образ.

Объект анализа – карта и процесс ее построения: содержание и порядок нанесения информации на карту, характер коммуникации участников в процессе работы над картой, личная вовлеченность в описываемые практики участия и последующая готовность к сотрудничеству. Карта выполняет двойную функцию: стимулирует обсуждение, структурируя воображение жителей, и служит источником информации. Отображая согласованные, относительно устойчивые представления информантов о сообществе, территории и практиках, карта объективирует их, обеспечивая возможность «насы-

щенного описания»¹⁹ процесса конструирования общего символического пространства – пространства общественного участия (рисунок 3).

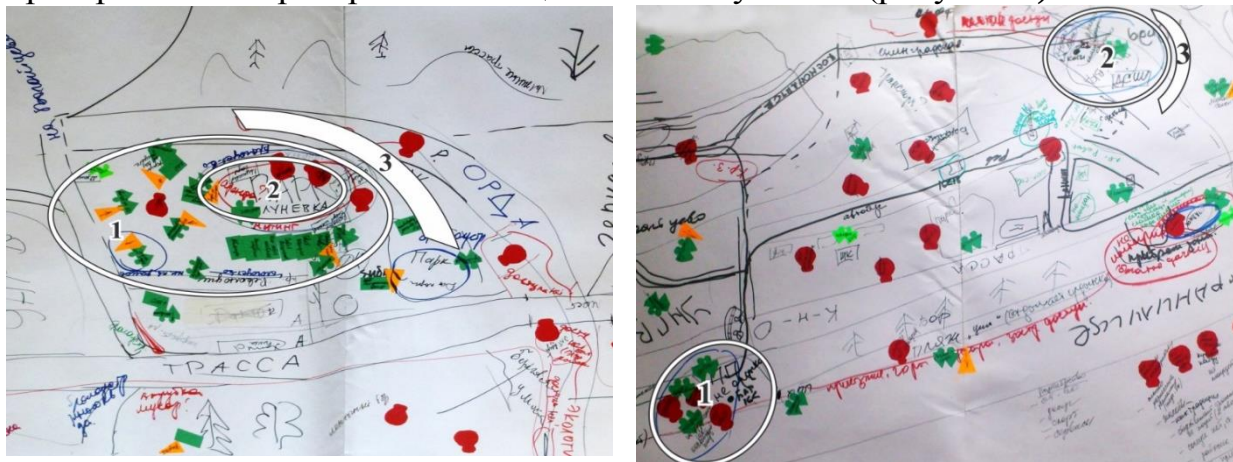

Рисунок 3 – Карты п. Ордынское. Возрастные группы – 50–69 и 18–28 лет. Карты показывают концентрацию практик участия жителей разных поколений в центре и на окраине (1) а также общественный конфликт (парк Луневка), вызванный пересекающимися зонами интересов разных групп (2), наличие «исчезнувших» из образа поселения территорий, бывших зон социальной активности.

В настоящем исследовании предметами картирования стали четыре компонента проекта: субъекты / акторы; структурные, социальные и территориальные пространства участия; значения; практики участия. Их анализ позволил зафиксировать изменения пространственного распределения активности, увидеть их связь с образом поселения, характером социальной и хозяйственной активности, выявить признаки эксклюзии или маргинализации ряда групп, противоречия и конфликты, которые влияют на характер общественного участия.

Сравнение семантических рядов, выделенных из индивидуальных интервью и транскриптов сессий картирования по ряду ключевых позиций исследования (2012 г.) (образ, проблемы поселения), показало высокую информационную насыщенность эмпирического материала, получаемого данным методом.

Процедура картирования и обсуждение его результатов стали инструментом коммуникации для жителей, местной администрации, депутатов, способствовали уточнению документальных программ развития территории, что создало основание для безопасного манифестирования и обсуждения конфликтов и противоречий на территории (2012 г.), стало механизмом вовлечения активных жителей в локальный проект (2014 г.).

Исследование позволило сделать следующие выводы.

Полученные результаты верификации модификации общественного участия в широких хронологических рамках эпохи современности и на разных уровнях общественных отношений не противоречат исходным гипотезам основания и следствия. Вместе с тем, в силу масштаба изучаемого явления, его анализ, проведенный в рамках одного диссертационного исследования, позволяет говорить только о частичной верификации и требует дальнейших исследований.

¹⁹Гирц, К.И. Интерпретация культур: пер. с англ. / К.И. Гирц. – Москва: Росспэн, 2004. – 560 с. – С. 12.

Показанная в исследовании сложность и многоплановость современных процессов общественного участия, появление качественно новых свойств, подтверждает целесообразность их понимания именно как модификации и необходимость привлечения новых, релевантных подходов к анализу. Перспективным видится проектно-модификационный подход, позволяющий выделить в потоке социальных изменений признаки общественного участия, оказывающие направленное воздействие на социальное развитие.

Исследование подтвердило, что современное состояние процессов общественного участия претерпевает значительные изменения, характеризующиеся ростом качественного многообразия, разной степенью устойчивости и динамичности. Реализуясь в конкретных местоположенных практиках в условиях зарождающегося сложного постмодернистского проекта, общественное участие способствует появлению новых многообразных переходных форм и стратегий. Оно не только институционализируется как проект – его проектность изменяется. Это новый социальный процесс, который проявляется в преимущественно коротких проектах солидарных действий, в появлении новых сообществ и неустойчивых сетей. Возрастает чувствительность общественного участия к пространственному распределению, к границам социального и территориального пространства, которые социальный субъект идентифицирует как «свои». Поэтому общественное участие начинает носить менее прогнозируемый (в модернистской логике) характер. Оно строится не столько по принципу принадлежности к социальной группе, сколько по проектному принципу заинтересованности участвующего в проблеме, превращая его из участия групп в участие индивидов.

Исследование показало, что общественному участию в России присуща своя специфика, которая не позволяет широко использовать для ее исследования универсальную теоретическую модель участия, организованную по «сферному» принципу. Доказано, что современная российская модель общественного участия также содержат в себе признаки сложного постмодернистского проекта, но сохраняет при этом черты предыдущих проектов эпохи модерна, демонстрируя переходность, противоречивость и «межпроектность». Российское государство на всех уровнях, от локального до национального, стремится сохранить и усилить свои позиции как заказчика, инициатора и организатора проекта общественного участия, воспроизводя логику модернистских проектов в исторически традиционных для российского государства прагматичных схемах «выделенного пространства» и «приглашения в проект». Однако специфика современного информационного, коммуникативного и деятельностного пространства ограничивает прямое влияние субъекта проекта на акторов общественного участия, сохраняя пространства, где формируются иные периферийные программы и проекты. Возникает противоречивая ситуация все большей управляемости проектов, осуществляемой через влияние на основные программы и пространства участия при одновременном сокращении возможностей прямого мобилизационного влияния. Изменения общественной структуры способствуют расширению территориального и со-

циального пространства общественного участия, но ослабляют возможности государства «с инженерными претензиями» к его прямому управлению, одновременно открывая возможности для появления иных проектов.

По теме диссертации опубликованы следующие работы автора:

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК

1. Скалабан, И.А. Проектные основания анализа общественного участия / И.А. Скалабан // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. – 2016. – № 3. – С. 209–217. – 1,1 п.л.
2. Скалабан, И.А. Участие и общественное участие как социологические категории / И.А. Скалабан // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 5. – С. 55–70. – 1,2 п.л.
3. Скалабан, И.А. Образы поселений: карта как соучастие / И.А. Скалабан // Ценности и смыслы. – 2015. – № 1 (35). – С. 38–51. – 1,4 п.л.
4. Скалабан, И.А. Общественное участие: завершение или кризис модернистского проекта? / И.А. Скалабан // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2, №2 (24). – С. 78–87. – 0,75 п.л.
5. Вавилина, Н.Д. От «зрителей» к «участвующим»: методы диагностики местных сообществ / Н.Д. Вавилина, И.А. Скалабан и др. // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2015. – № 5 (52). – С. 66–75. – Личный вклад диссертанта – 0,4 п.л.
6. Скалабан, И.А. В поисках солидарности. Общественное участие в зеркале теории социального капитала / И.А. Скалабан // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. – 2015. – № 1. – С. 304–315. – 1,0 п.л.
7. Скалабан, И.А. «Максимально возможное участие» или как вовлечь население в социальные программы / И.А. Скалабан // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13, № 2. – С. 331–337. – 0,75 п.л.
8. Скалабан, И.А. Конфликтологические аспекты общественного участия в локальных обществах / И.А. Скалабан // Конфликтология. – 2014. – № 5. – С. 132–134. – 0,3 п.л.
9. Вавилина, Н.Д. Социальное картирование как инструмент анализа социального участия / Н.Д. Вавилина, И.А. Скалабан // Регион. – 2014. – № 1 (81). – С. 145–163. – Личный вклад диссертанта – 0,75 п.л.
10. Серебрянникова, О.А. Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст / О.А. Серебрянникова, И.А. Скалабан // Идеи и идеалы. – 2014. – №1 (19), т. 2. – С. 65–74. – Личный вклад диссертанта – 0,8 п.л.
11. Скалабан, И.А. Стратегии общественного участия лидеров формальных и неформальных объединений / И.А. Скалабан, С.Б. Спенсер // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – №1. – С. 158–170. – Личный вклад диссертанта – 0,6 п.л.

12. Скалабан, И.А. Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства / И.А. Скалабан // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 10, № 1. – С. 61–79. – 1,0 п.л.

13. Осьмук Л.А. Использование социологических методов в общественной экспертизе деятельности учреждений социальной защиты / Л.А. Осьмук, И.А. Скалабан // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. – 2012. – Т. 2, № 4. – С. 94–103. – Личный вклад диссертанта 0,3 п.л.

14. Скалабан, И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий / И.А. Скалабан // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 1. – С. 130–139. – 0,75 п.л.

15. Скалабан, И.А. Стратегии социального картирования общественного участия (социально-территориальный контекст) / И.А. Скалабан // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. – 2011 – № 2. – С.24–36. – 1,0 п.л.

16. Скалабан, И.А. Общественное участие: теоретико-методологические проблемы интерпретации / И.А. Скалабан // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – Т. 6, № 2. – С. 216–220. – 0,4 п.л.

17. Скалабан, И.А. Социальное участие студентов как метод формирования социальных компетенций в высших учебных заведениях / И.А. Скалабан // Философия образования. – Новосибирск, 2010. – №3. – С. 184–192. – 0,75 п.л.

Монографии, главы в монографиях

18. Скалабан, И.А. Общественное участие: теория и практика социального конструирования / И.А. Скалабан. – Новосибирск: НГТУ, 2015. – 407 с. – 25,4 п.л.

19. Вавилина, Н.Д. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории / Н.Д. Вавилина, И.А. Скалабан. – Новосибирск: Сибпринт, 2015. – 304 с. – Личный вклад диссертанта – 15,6 п.л.

20. Осьмук, Л.А., Лебедева, И.С., Прохорова, Л.В. Скалабан, И.А. Межсекторное социальное партнерство: развитие региональных моделей / Л.А. Осьмук, И.С. Лебедева, Л.В. Прохорова, И.А. Скалабан. Новосибирск: НГТУ, 2014. – 168 с. – Личный вклад диссертанта – 1,9 п.л.

21. Качество жизни населения в России и ее регионах: кол. монография / под ред. С.В. Кущенко, Г.П. Литвинцевой, Л.А. Осьмук. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. – 560 с. – Личный вклад диссертанта – 1,0 п.л.

Учебные пособия

22. Менеджмент НКО: учеб. пособие / под ред. М.А. Кувшиновой. – Новосибирск: Изд-во НГТУ: Сибпринт: Партнеры Сибири. – Ч. 1. НКО и гражданское общество. – 2005. – 152 с. – Личный вклад диссертанта – 4,9 п.л.

23. Скалабан, И.А. Становление и развитие негосударственных некоммерческих организаций в России: хрестоматия / И.А. Скалабан. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – 309 с. – 19,3 п.л.

Статьи в научных сборниках и других периодических изданиях

24. Скалабан, И.А. Современное общественное участие: пространство и смыслы / И.А. Скалабан // XVII апрельская международная научная конференция по проблемам развития общества и экономики. – В 4 кн. – М.: ВШЭ, 2017. – Кн. 3 – С.76–84.
25. Скалабан, И.А., Спенсер, С.Б. Исследование общественного участия: от прошлого к будущему // V социологический конгресс. – Екатеринбург, 2016. – Личный вклад диссертанта – 0,65 п.л.
26. Skalaban, I.A. Vavilina, N.D. Social mapping as a tool for public participation / N.D. Vavilina, I.A. Skalaban // Regional Research of Russia. – 2015. – Vol.5, iss. 1. – P. 66–72. – Личный вклад диссертанта – 0,75 п.л.
27. Скалабан, И.А. Участие в развитии территории как государственный, общественный и научный проект (из истории одного научного общества в дореволюционной Сибири) / И.А. Скалабан // История науки и техники. – 2014. – № 5. – С. 58–66. – 1,2 п.л.
28. Скалабан, И.А. Межсекторные противоречия: угроза или источник формирования партнерства? / И.А. Скалабан // Идеи и идеалы. – 2009. – № 2. – С.111–120.
29. Скалабан, И.А. Зачем российскому государству благотворительные организации? (Историко-социологический анализ) / И.А. Скалабан // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. – СПб.: Журнал «Звезда», 2007. – С. 15–30. – 1,0 п.л.
30. Skalaban, I. The institutionalization of NGPOs in Russia: historical and sociological analysis / I.A. Skalaban // Life Long Learning and Managerial Development in Transition Countries. Cases on strategy, management and performance control / ed. by M. Bianchi. – Cesena: Il Ponte Vecchio, 2005. – P. 139–147. – 0,7 п.л.